

Виктор Лапин

ГРУППОВАЯ СВАДЕБНАЯ ПРИЧЕТЬ: ВИД, ЖАНР ИЛИ ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ?

Как известно, среди богатейшего научного наследия К.В. Чистова одной из областей его пристального внимания, сохранявшегося на протяжении всей жизни, были причитания Русского Севера. Многочисленные статьи и монографии посвящены, в частности, Ирине Андреевне Федосовой — выдающейся заонежской вопленице, которая стала символом севернорусской причетной традиции (как чуть ранее Трофим Григорьевич Рябинин — символом севернорусской эпической традиции). Закономерно, что одной из последних фундаментальных работ Кирилла Васильевича стало текстологически тщательно выверенное и откомментированное двухтомное издание «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова¹.

В плане общей теории фольклорной традиции принципиально важны два его положения, также связанные с Русским Севером: это идея относительно поздней, «вторичной архаики» севернорусской традиционной культуры в целом и Русский Север как область *особенно развитой традиции причитаний* практически у всех населяющих его народов: русских, карел, ижоры, эстонцев, сету, вепсов, коми-зырян. По сюжетной развернутости и масштабности текстов причитания примыкают к эпической традиции и образуют единую сферу песенно-повествовательного фольклора. Это еще одна региональная особенность севернорусской музыкально-фольклорной культуры.

Традиционная культура Русского Севера неисчерпаема. И подтверждение тому — еще один яркий, но плохо изученный феномен севернорусской культуры. В некотором отношении его можно поставить в один ряд с явлениями, известными в истории мировой художественной культуры по крайней мере со времен античной трагедии: корифей и хор, солист и оркестр, лидер и ансамблисты, прима-балерина и кордебалет, запевала и хор, возглашающий и клирошане... В этом же ряду можно рассматривать некоторые явления музыкально-фольклорной культуры разных народов. В свадебной традиции Русского Севера и старожильческих традиций Зауралья и Сибири, исторически связанных с северными великороссами, это *невеста и девушки-подружки*. Их статусы и функции в структуре свадебного обряда получают специфическое воплощение в особых музыкально-песенных формах и в особых соотношениях этих форм. Имеются в виду *индивидуальные причитания невесты* (так же, как и ее матери и других родственниц) и *групповая причеть девушек*. Но если с индивидуальными причитаниями невесты все более или менее ясно, то групповая причеть заслуживает особого внимания.

¹ Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым: в 2 т. / изд. подгот. Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. (Литературные памятники).

Групповая причеть севернорусской свадьбы предполагает особую *обрядовую функцию* и особый *способ исполнения*. Однако то и другое в совокупности традиций обнаруживает большое вариантное поле как форм и способов воплощения, так и символических значений и обрядовых смыслов, которые далеко не всегда очевидны. Более того, вербальные тексты групповой причети, записанные и опубликованные фольклористами-филологами (без магнитофонной или нотной фиксации реального исполнения или без сопутствующего точного этнографического комментария), далеко не всегда могут быть опознаны в качестве именно групповой причети. Это связано с тем, что тексты индивидуально причитаний (ИП) невесты и групповой причети (ГП) девушек-подружек довольно часто звучат от первого лица, то есть *от имени невесты*. (В этом же ряду — тексты индивидуально ориентированных прощальных песен вроде «Красота ты моя красота», «Ты река ли моя реченька» и др.) Это одна из причин, почему ГП так долго не была идентифицирована и осознана в этом своем качестве.

Но есть и другая причина — устойчиво существовавшее до недавнего времени представление о том, что причитания в принципе — *исполнительски индивидуальный жанр*, с ярко выраженным импровизационным началом, а то и просто «индивидуальная импровизация». (И фигура знаменитой заонежской вопленицы И.А. Федосовой — как бы реальное воплощение и подтверждение этого представления.) Во всяком случае подобное определение встречается в вузовских учебниках для филфаков университетов и пединститутов вплоть до конца 1990-х годов.

Важно обозначить звучание ГП во всех значимых обрядовых событиях довенечной части свадьбы, то есть того обрядового времени, когда центральной фигурой является девушка-невеста, когда в обрядово-ритуальных формах решается ее реальная жизненная судьба. (В терминологии *переходных обрядов* инициации, по А. ван Геннепу, — этап **отчуждения**, которому в русской свадебной традиции соответствуют **причитания и прощальные песни**.)

Обычно глубинной основой обрядовой драматургии свадьбы считается противостояние двух родов — партии невесты и партии жениха, женского и мужского начал (F-локуса и M-локуса). Соответственно рассматриваются и все свадебные персонажи-чины, ритуальная и пространственная символика действий и материальных атрибутов свадьбы, дифференциация песенных и вербальных жанров свадебного цикла. Однако изучение феномена ГП дает основания утверждать, что в музыкально-обрядовой драматургии довенечной части свадьбы не менее, а может быть, даже более важной оказывается именно оппозиция *«невеста–девушки»* и соответствующие им индивидуальные и групповые причитания¹.

Не будем останавливаться на трудностях изучения групповой причети, на том, как она буквально «нащупывалась» фольклористами-музыкантами. Специальные работы, посвященные групповой причети, появились только в последние два-три десятилетия (Б.Б. Ефименкова, Ю.И. Марченко, Е.Б. Резниченко и др.) и высветили круг проблем и вопросов, на которые пока еще нет удовлетворительных ответов.

¹ См.: Ефименкова Б.Б. Оппозиция невеста/девушки в музыкальном коде севернорусской свадьбы // Голос и ритуал: материалы конф. М., 1995. С. 94–99.

В свое время я попытался сформулировать и систематизировать некоторые из них, и для сегодняшнего сюжета воспользуюсь своими наработками¹.

Итак:

1. География распространения ГП и соответствующей обрядово-исполнительской терминологии на Русском Севере и в Сибири. Имеются отдельные, порой противоречивые в интересующем нас плане публикации по некоторым локальным традициям, но общая картина не выяснена.

2. Способы исполнения ГП, ее функционально-исполнительский и ритуально-символический статус в обряде. По имеющимся разрозненным сведениям ситуация в этом плане неоднозначна: ГП исполняется либо только девушками (Верхнее Полужье и бассейн Шелони, Прилузье); либо невестой в качестве запевалы совместно с группой девушек (Лешуконье — Мезень) или двух «подоплечниц = вожей» (некоторые традиции обрусевших вепсов); либо девушками одновременно с невестой, но в разных композиционных комбинациях и с контрастным соотношением структурно самостоятельных и автономных «партий»-линий (Среднее Притоболье) и другие варианты.

3. Ритуально-символические функции и формы причитаний приглашенной на свадьбу (то есть профессиональной?) вопленицы = плачи (практически все «берега» и Зимняя Золотица на Зимнем берегу Поморья; возможно, Заонежье).

4. Обрядовое соотношение ГП и ИП в структуре свадебного ритуала; возможность полного замещения ИП групповой причетью (как в Нижнем Прилузье).

5. Структурно-стилевое соотношение ГП и ИП, ГП и свадебных обрядовых песен (по отдельным свадебным циклам и локальным традициям).

6. Структурно-стилевое соотношение музыкально-поэтических форм самих ГП в разных локально-региональных традициях.

7. Групповые / коллективные причитания у других народов Русского Севера и Северо-Запада. Проблема межэтнических этнокультурных контактов в этой сфере (имеются в виду карелы, вепсы, ижора, коми-зыряне и коми-пермяки, возможно, северные удмурты в их контактах с разными этнографическими группами севернорусского населения).

8. Наконец, остановимся чуть подробнее на статусе ГП в системе русского музыкально-песенного фольклора в целом. По этому вопросу у исследователей тоже пока нет единства. Фольклористы-филологи и этнографы, как отмечалось выше, практически не дифференцируют в этом плане массив причетных текстов. Этномузыковеды определяют групповую причеть в сравнении / сопоставлении с причитаниями в целом как их «разновидность» или «жанровую разновидность», как одну из «исполнительских версий» (Б.Б. Ефименкова, Е.Б. Резниченко, Ю.И. Марченко) или как один из двух «традиционных видов напевов севернорусских свадебных причитаний — напев песенного характера с развитой внутрислоговой мелодикой» (Т.А. Коски и Т.В. Краснопольская). Последняя формулировка, по-видимому, отражала и точку зрения

¹ См.: *Лапин В.А.* Севернорусская групповая причеть: феномен и загадки // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: [материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003»]. Петрозаводск, 2003. С. 71–76; *Он же.* Севернорусская групповая причеть: феномен и проблематика // *Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции* / отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 2004. С. 231–264.

Е.В. Гиппиуса — ответственного редактора сборника «Русская свадьба Карельского Поморья»¹.

Очевидно, что при таком подходе причитания всех типов и функций (что вполне согласуется с точкой зрения филологов) либо принимаются за один глобальный «супержанр», либо разделяются на самостоятельные жанровые группы по обрядовым комплексам, например жанр свадебных причитаний, жанр похоронных причитаний и т.п.

Ю.И. Марченко в работе, посвященной традициям свадебных причитаний в междуречье Северной Двины, Ваги и Сухоны, предложил свою историко-генетическую интерпретацию: сольские причитания как таковые — исходная форма, из которой развились свадебные групповые причитания².

Тщательно и детально исследовала гипертрофированно развитую музыкально-причетную драматургию восточно-вологодской свадьбы Б.Б. Ефименкова. Здесь соотношение *пологого голоса* — медленного сольного причитания — и *крутого голоса* — быстрого напева групповой причеты — образует разнообразные композиционные и ситуативно-обрядовые комбинации. В некоторых случаях автор трактует эти *голоса* как «контрастные версии одного и того же музыкального текста». Отмечая двойственную природу ГП, она, в частности, выявляет в некоторых локальных традициях «пологой» версии структурно-стилевые признаки похоронно-поминальных причитаний, а в «крутой» версии — свадебных величальных песен. Такие ГП, по мнению автора, опираются в целом на традицию погребального плача, но развились в местной традиции в «мелодический тип свадебных прощальных девичьих песен-причетов». И далее: «И хотя их в народе называют *причотами*, для нас это уже песни, но песни специфические, типологически родственные причету и выступающие в его функции»³.

В свое время я уже кратко высказывался относительно историко-генетической и понятийно-терминологической сторон в исследованиях Б.Б. Ефименковой, поэтому не буду повторяться⁴. Думаю, что идея Б.Б. Ефименковой о происхождении или развитии ГП как «специфически северного феномена» из индивидуальных свадебных причитаний невесты, а тем более из похоронно-поминального плача (Б.Б. Ефименкова и Ю.И. Марченко) маловероятна — слишком многое в групповой причете не находит объяснения при таком подходе. Гораздо более убедительной и перспективной представляется концепция Т.А. Бернштам о «плачевой культуре», пронизывающей большую часть календарной и свадебной обрядности и составляющей основу похоронно-поминальной, где она формировала свои ритуально-звуковые и музыкально-поэтические формы. Анализ восточнославянского материала привел Т.А. Берн-

¹ Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Ньюче) / изд. подгот. А.П. Разумова, Т.А. Коски; под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Петрозаводск, 1980. С. 104.

² См.: *Марченко Ю.И.* Напевы групповых причитаний в междуречье Северной Двины и Ваги // Русская народная песня: Стиль, жанр, традиция / ред.-сост. А.М. Мехнецов. Л., 1985. С. 45–61.

³ *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980. С. 78.

⁴ См.: *Ланин В.А.* Воля — групповое голошение в лужско-шелонской свадебной традиции // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. Л., 1986.

штам к общему выводу о том, что «коллективность голошения — признак его архаичности», а «индивидуальное голошение — возможно, один из самых поздних этапов в эволюции плачевой системы». В свадебном обряде переходный = «нежизненный» статус невесты в довенечный период объясняет необходимость ритуального коллективного голошения подруг «за невесту», «от ее имени», «под ее голос». Отсюда народная терминология типа *подневестницы*, *подоплечницы*, *подголосницы* / *подголошницы*. Этим же, вероятно, объясняется и активное развитие в севернорусской традиции причитаний наемных воплениц-плачей на свадьбе, которые также причитали за невесту и от ее имени¹.

Принимая эту концепцию и опираясь на нее, рассуждаем дальше. Архаичная (по смыслу и генезису) свадебная ГП может трактоваться как одно из самых ярких фольклорных проявлений русской «плачевой культуры». Развивалась же она, скорее всего, как вполне **самостоятельный и автономный жанр**. Именно в контексте фольклорных традиций Русского Севера, области «вторичной архаики» и культуры «развитых причитаний» (по К.В. Чистову) можно рассмотреть путь, который прошла ГП сначала в севернорусской свадьбе, а затем в ранних русских переселенческих традициях Зауралья и Сибири. В форме ГП, занявшей совершенно особое место в свадебном ритуале, оказался «запрограммированным» в свернутом виде исключительно большой потенциал структурно-стилевого развития. И **жанрово-стилевые разновидности ГП**, фиксирующие этапы реализации этого потенциала, возникли по мере пространственно-временного развертывания севернорусской свадьбы и формирования ее локальных традиций.

С этой точки зрения многие «неудобные» факты и вопросы, связанные с ГП, могут найти, как представляется, более или менее убедительные объяснения и ответы. Приведу хотя бы один пример: практически никто из исследователей не пытался объяснить, почему индивидуальные причитания русской свадьбы в целом стадияльно как будто «застыли» на одном музыкально-стилевом уровне (хотя структурно и различаются во множестве локально-региональных вариантов). В то же время ГП, казалось бы, столь же, если не более жестко ритуализованная, развивает богатые и многообразные формы, фактуры, композиционно-структурные решения в соотношении стиха и напева и т.д. Может быть, дело в том, что мы когда-то ошиблись в выборе стадияльно-исторической «точки отсчета»? Это ведь так привычно и понятно: сначала — простые, декламационно-прозрачные формы ИП, в которых вырабатывается причетный стих, а потом этот стих начинает распеваться, рассредоточиваться в формах ГП, которые, в свою очередь, все более развиваются, усложняются...

А может быть, в севернорусской свадьбе все происходило наоборот? И мощно развивающаяся на Русском Севере **повествовательная культура** похоронно-поминальная, а затем рекрутских, бытовых и общинно-календарных **причитаний стала «вытягивать» и из свадьбы «веточки» ИП, подчиняя их своей стилистике и зачастую наделяя своими напевами**. Может быть, только свадебная традиция Нижнего Прилузья (Лальской земли) донесла до нас одну из ран-

¹ Среди целого цикла работ см., в частности: *Бернштам Т.А.* Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX — начало XX в.) // *Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики* / отв. ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистов. Л., 1986. С. 82—100.

них структур севернорусской свадьбы, в которой все *паканья* довенечной части, по свидетельству Е.А. Шевченко, звучали *только* в форме коллективной причети¹.

В заключение еще раз о «двойственной природе» ГП, о которой рассуждают многие этномузыковеды. Структурно-стилевой диапазон локальных музыкально-поэтических форм ГП поразителен и, вероятно, не имеет аналогов во всей музыкально-жанровой системе русского фольклора. Свадебная групповая причеть представляет собой своего рода *лабораторию музыкально-песенных структур* на Русском Севере. Можно думать, что именно двойственная жанровая природа групповой причети, а также функциональное и символическое особое место в обряде объясняют ее уникальную способность к структурно-стилевому развитию в сторону различных песенных жанров и форм — от структурно прозрачных величаний или игровых припевок до сложнейших форм лирических протяжных. Но главное ее назначение — в обрядово-символическом пространстве свадьбы *манифестировать двойственное, переходное состояние невесты*, а отчасти и ее подруг.

¹ См.: Шевченко Е.А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области: функциональные аспекты поэтических жанров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. С. 6–9.